

УДК 811.161.11: 811.112.21

РЕЛЯТИВНЫЕ ОБРАЗЫ И КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКА

Т. Н. Скокова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Skokova@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена исследованию релятивных образов, выступающих факторами, которые представляют собой определяющие механизмы когерентности, инструментами, являющимися основополагающими в структурировании речемыслительных вариантов, а также информацией ментального характера о том, какие связи обеспечивают единство концептосферы.

Ключевые слова: релятивные образы, коммуникативное целое, синергия релятивных образов, процесс смыслопорождения.

С процессами концептуализации и категоризации познаваемого мира связаны *абстрактные когнитивные модели* (см. работы Дж. Лакоффа и др.). В этой связи Н. Ф. Алефиренко пишет: «...это лишь лингвокогнитивные модели. Они ни в коей мере не тождественны логическому содержанию воспринимаемого текста. И все же лингвокогнитивная модель соответствует той логической структуре знания, которая позволяет идентифицировать основную идею и языковое значение дискурсивного образования» [1, с. 54]. В этом процессе, на наш взгляд, релятивные образы играют основополагающую роль, и, следовательно, не могут не учитываться при лингвокогнитивном моделировании.

Когнитивно-семиологический подход в современной семантике предполагает исследование не только отдельных лексем с их системными значениями, но и выявление особых «синергетических потоков» (термин Н. Ф. Алефиренко) смыслопорождающего дискурса. Как показывает предварительный анализ нашего материала (а таковым в работе является произведение Н. С. Лескова «Запечатленный ангел», а также его перевод на немецкий язык), этими синергетическими импульсами выступают релятивные образы, которые и выстраивают иерархию речемыслительных структур различного уровня (фреймы, концепты). Здесь следует остановиться также на том, что вообще понимается под образами. Это в первую очередь поток ассоциаций в процессе развертывания речи, а релятивные образы выполняют по отношению к этому множеству ассоциаций интегрирующую функцию, ведущую к созиданию понимания смысла любого языкового выражения. Другими словами, сопряжение между собой релятивными образами как конституирующим механизмом личностной когнитивной деятельности совокупности отношений представлений к предмету, которая объективируется своей архитектурой языковых знаков, имеющих объективную значимость, превращает эту совокупность в знание.

Продуктом и средством познания являются такие базовые концепты языковой семантики, как БЫТИЕ, ЖИЗНЬ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, СТРАДАНИЕ, НАДЕЖДА. Вокруг концептов организуется когнитивная структура, понимаемая как фрейм, состоящая из макропропозиции, содержащей в отличие от простого набора ассоциаций самую существенную, и потенциально возможную информацию, которая соотнесена с определенным концептом [Дейк Ван, 1989; Fillmore, Atkins, 1992 и др.] и системы отдельных пропозиций как единиц «хранения знаний», что по мнению Н. Ф. Алефиренко, представляет собой «способ моделирования целостной картины мира в этнокультурном сознании человека» [1, с. 55]. Наша задача - показать, как выстраивается иерархия речемыслительных структур благодаря релятивным образам, которые лежат в основе синергетического потока смыслопорождения. Если названные выше концепты являются основными в схеме познания, то фрейм, который вызывает эти лингвокогнитивные структуры - это фрейм ПОЗНАНИЕ (нем. ERKENNTNIS). Еще Сократ указывал, что единственно верным направлением усилий человека является познание и действие на основе знания. По Сократу также, знания о человеке, формах его жизни, его душе и теле, пороках и добродетелях и знания обо всем мире в целом - это не различные знания, а лишь различные части единого знания об истине бытия. Одним из главных этапов познания является познание самого человека как системы (самопознание, по Сократу) и как системы, включенной в целое. Кант утверждал, что, знание - это соединение рассудка и чувств, а чувственность изначально уже ограничена априорными формами - пространством и временем, то есть она уже «сплавлена» с рациональными формами. Познание, таким образом, невозможно без чувственности, иначе

говоря, чувственность является важнейшим условием возможности познавательного и практического отношения человека к миру. Чувственные качества предмета, по С. Л. Рубинштейну, благодаря узнаванию объекта, который находится в центре актуального восприятия как специфической познавательной деятельности, соотносятся и сопоставляются, а оформление, сохранение и передачу полученного знания обеспечивает язык. Следовательно, можем сказать, что фрейм ПОЗНАНИЕ (нем. ERKENNTNIS) имеет макропропозицию → чувственно – интеллектуально – речевое восприятие – узнавание и пропозиции → мировоззрение через восприятие и чувства в результате чувственно – интеллектуально – речевого восприятия-узнавания. В анализируемом дискурсе как «сложном коммуникативно-когнитивном явлении, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы» [1, с. 264] макропропозиция фрейма (интеллектуально-чувственно-речевые восприятия) имеет свое речевое воплощение. Так, восприятие иконы включает: 'божия благодать'; 'Gottes Segen' («...над нами-де видимая божия благодать творит дивеса, каких мы никогда и не зрели»; «und die anderen sagten, dass Gottes Segen über uns sichtbar Wunder wirkte, von denen wir niemals etwas sahen»), 'божие благословение'; 'Gottes Segen' («Я слышала, – говорю, – что к вам божие благословение видимо, – говорю, – проявляется»; «Ich habe gehört«, sagt sie, «dass sich Gottes Segen sichtbar bei euch offenbart»), 'вдохновенное изображение'; 'beseeltes Bild' («Нем, ты расскажи мне еще, что вы по своему понятию за вдохновенное изображение понимаете?»; «Nein, erzähle mir noch, was ihr unter einem beseelten Bilde versteht»). Через такое восприятие возникает особое мировидение (нем. Weltsicht, Wertauffassung) (синонимы: воззрение, мнение, миропонимание, мирозерцание; принципы, воззрения, взгляды на вещи, на жизнь, видение, убеждения, образ мыслей, символ веры и др.; нем. Grundeinstellung, Ideologie, Weltsicht, Wertauffassung, Lebensansicht, Weisheitsliebe, Weltanschauung u. a.): «...такое изображение явственно душе говорю, что христианину надлежит молить и жаждать, дабы от земли к неизреченной славе бога возвестись»: «Weil eine solche Darstellung uns klar sagt, dass es dem Christenmenschen ansteht, zu beten und darnach zu lechzen, sich von dieser Welt zu Gottes unsagbarem Glanz zu erheben»; «Что есть Вавилон? столт кичения; не кичись правдою, а то ангел отступится»: «Was ist Babylon? Eine Säule des Dünkels, schmeichle dir nicht mit deiner Recht-schaffenheit, sonst verläßt dich dein Engel»; «... вымоли человек первое всего душе своей дар страха божия, она сейчас и поидет облегченная со ступени на ступень, с каждым шагом усвая себе преизбытки вышних даров, и в те поры человеку и деньги, и вся слава земная при молитве кажутся не иначе как мерзость пред господом»; «Hat dann der Mensch für seine Seele zunächst die Gabe der Gottesfurcht erbetet, so erhebt sie sich gleich, von der irdischen Schwere befreit, von Stufe zu Stufe und erringt mit jedem Schritt mehr vom Überfluß der göttlichen Gaben. Und von der Zeit an erscheint dem Menschen im Gebet das Geld und aller irdischer Ruhm nur als verabscheuungswürdig vor dem Herr». Такой подход соответствует пониманию восприятия в психологии (Ж. Пиаже, С. Л. Рубинштейн, И. А. Зимняя и др.), представляющий собой единство логического и чувственного, смыслового и чувственного, мысли и ощущения, а что касается узнавания, то оно, как считают психологи, с одной стороны, совершается внутри восприятия и вместе с тем оно в своей развернутой форме – акт мышления. Автор произведения так описывает чувства, вызываемые иконой: «Любили мы все эту свою святыню страстную любовью!»; «Wir alle liebten unser Heiligtum mit leidenschaftlicher Liebe»; «Глянешь на владычицу, как пред ее чистотою бездушные древеса преклонились, сердце таем и трепещет...»; «Du schaust auf die Himmelskönigin, wie sich vor ihrer Reinheit die seelenlosen Bäume neigen, und das Herz schmilzt dir im Leibe und zittert»; «Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься "осени", и сейчас весь ступаешь, и в душе станет мир». Наше понимание процесса познания структурированной интеграции в концептосфере языка базовых концептов также опирается на философскую доктрину Канта. Мыслитель писал, что всякое знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления, что осуществляется с помощью языка.

Поскольку, с одной стороны, системны принципы синергетики, а с другой, концептосфера языка – системное образование [см. Н. Ф. Алефиренко, 2009 и др.], имеются необходимые основания для рассмотрения синергетики релятивных образов с точки зрения выявления их интегрирующей функции, направленной на структурирование названных выше общечеловеческих концептов языковой семантики. Использование речи интегрирует в себе релятивные образы. За счет словесного обозначения возникает возможность абстрагирования и обобщения свойств предметов, то есть, формируется семантическое пространство языка, узловыми топиками которого выступают базовые концепты. Каждый вербализованный концепт подвергается

«системообразующему давлению» релятивных образов, а в непрерывном пространстве сознания благодаря возникающим связям и отношениям между концептами структурируется концептосфера как сплошное когнитивное пространство. При этом, как отмечается И. А. Стерниным, мыслительные образы сознания определяют целесообразную деятельность человека, сознание регулирует взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность личности осмыслить собственное бытие, внутренний духовный мир и позволяет совершенствовать действительность в процессе общественно-практической деятельности [13, с. 44]. «Eine kognitive Semantik muss über solche kognitiven Einheiten verfügen, die Referenzrelationen und Wortkonzepte zum Gegenstand haben, und eine Einbettung dieser Einheiten in das Weltwissen ermöglichen, die als semantischer Sinn einer Äußerung bezeichnet werden kann» [17, с. 50]. Итак, одним из важнейших концептов в «схеме» познания, есть концепт БЫТИЕ (нем. DASEIN). В. Л. Киссель пишет, что бытие есть все то, что является или может явиться сознанию познающего субъекта. У Фихте бытие существует для разума, а не наоборот. Н. Бердяев считает, что познание есть возгорание света внутри бытия, а не стояние перед бытием-объектом.

Рассмотрим два примера:

(1) «...Мы стали на левом, на луговом, на отложистом, и объявился пред нами весь чудный пейзаж: древние храмы, монастыри святые со многими святыми мощами; сады густые и деревья таковые, как по старым книгам в заставках пишутся, то есть островерхие тополи. Глядишь на все это, а самого за сердце словно кто шипать станет, так прекрасно!»; «... während wir auf dem linken flachen Wiesenufer standen, und vor uns lag die ganze wundervolle Landschaft: alte Kirchen, heilige Klöster mit vielen heiligen Reliquien, dichte Gärten und Bäume, wie man sie in alten Büchern abgebildet findet, spitzwipfelige Pappeln. Du schaust auf all das, und dein Herz brennt in dir aleichsam, so herrlich ist es!»;

(2) «Жесточайшая поземная пурга, из тех, какими бывают славны зимы на степном Заволжье, загнала множество людей в одинокий постоялый двор, стоящий бобылем среди гладкой и необозримой степи. Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чуваша. Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно: куда ни повернись, везде теснота, одни сушатся, другие греются, третьи ищут хотя маленького местечка, где бы приютиться: по темной, низкой, переполненной народом избе стоит духота и густой пар от мокрого платья зимы на степном Заволжье. ... А между тем если еще кто беспомощный добьется сюда, ему местечко будет...» «Einer der grausamen Landstürme, welche die Winter in den Wolgasteppen berüchtigt machen, hatte eine Menge Leute in den abgelegenen Gasthof getrieben, ein Bauernhaus inmitten der flachen, unabhgbaren Steppe. Dort hatten sich auf einem Haufen Adelige, Kaufleute, Bauern zusammengefunden. Russen, Mordwinen und Tschuwaschen. Auf Rang und Würden konnte man in einem solchen Nachtquartier keine Rücksicht nehmen: wohin man sich wendet, alles ist gedrängt voll, die einen trocknen sich, die anderen wärmen sich, die dritten suchen ein wenn auch noch so kleines Plätzchen, auf dem sie bleiben können. In der dunklen, niederen, mit Menschen überfüllten Stube herrscht eine schwere Schwüle und der dichte Dampf der nassen Kleider...».

Можно выделить следующие составляющие данного концепта:

– **объективация «собственного», «самостоятельного» бытия**, о котором С. Франк говорит: «"Самостоятельное" бытие есть бытие, соучаствующее в первичной реальности, утвержденное и укорененное в ней, – бытие, которое внутри себя самого открывает присутствие реальности как таковой, – реальности в ее всеобъемлющем существе, в котором соучаствует и все остальное, конкретно сущее», что выражается в примерах такими языковыми единицами, как: (1) 'объявиться (перед кем-то)', а в немецком варианте - 'vor jemandem liegen'; (2) 'стоять', нем. 'liegen';

– **бытийная структура присутствия** (термин Хайдеггера, а также его же – «эксистирование присутствия»), что понимается нами не только как нахождение в определенном месте, но и как осознание местонахождения. В данных примерах это выражено такими словосочетаниями, как: (1) 'то, что видит субъект', 'как написано по старым книгам в заставках', 'was du schaust', 'wie man in alten Büchern abgebildet findet'; а также глаголами: (2) 'очутиться', 'загнать', 'приютиться', 'добиться'; 'sich zusammenfinden', 'sich wenden', 'bleiben';

– бытие как отношение между единством, целостностью элементов, другими словами, отношение между «атмосферой» бытия (определение Ясперса) и множеством отдельных предметов восприятия: (1) 'богзданная природа', 'чудный пейзаж' → 'древние храмы', 'монастыри святые со многими святыми мощами'; 'сады густые', 'деревья'; 'wundervolle Landschaft' → 'alte Kirchen', 'heilige Klöster mit vielen heiligen Reliquien', 'dichte Gärten und Bäume', а также отношение

между единственностью, неповторимостью каждой человеческой личности (а также языковой) и единством всего человеческого рода: (1) 'ощущение преизящества богозданной природы', нем. 'das Fühlen der Pracht der gottgeschaffenen Natur' всеми людьми, о чем говорится дальше в контексте: «...мы люди простые, но преизящество богозданной природы все же ощущаем»; «...wir sind natürlich einfache Leute, aber wir fühlen doch die Pracht der gottgeschaffenen Natur». Исследование смысловой единицы коммуникации в комплексе языковых и неязыковых факторов в **разносистемных** языках обусловлено, в частности, тем, что в ходе концептуализации знания могут избираться разные концептуальные признаки, а также смысловые элементы попадают в разные зоны действия креативных аттракторов, под которыми понимаются личностные смыслы, актуальные для человека, но не всегда вполне осознаваемые [2, с. 205]. Можем сравнить в нашем примере различие при переводе слова «преизящество» лексемой «die Pracht = великолепие», а также выражения «за сердце словно кто щипать станет» комбинацией «Herz brennt» (= «сердце горит»).

Бытие каждого Я, как известно, есть неразрывное единство материального и идеального (духовного), биологического и социального, физического и психического. «Человек – это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости, короче говоря синтез» [10, с. 367]. Это общее включает в себя множество качеств человеческой природы, ее неотъемлемых свойств и энергий: например, из ситуации (2) видим, что независимо от соловый и национальностей всем необходимо 'местечко, где бы приютиться'; 'ночлег'; 'Plätzchen, auf dem sie bleiben können', 'Nachtquartier'. Причем в русском языке данный смысловой элемент репрезентирован более емко, так как «приютиться» – это не просто «остаться» или «остановиться» («bleiben» в немецком варианте), а приснаститься, прислониться, прижаться, примоститься, пристроиться, подместиться, приткнуться и пр. Из взаимодействия компонентов видно, что ключевой структурой человеческого бытия является: а) его включенность в конкретную жизненную ситуацию и взаимораскрываемость Я в общении с другим (другими) Я б) схожесть бытия различных индивидуумов в том, что есть общего в их теле и в их душе. Еще Карл Ясперс («Философия экзистенции» (1938) писал, что человека надо понять как экзистенцию. С. Н. Булгаков говорил, что отдельный человеческий индивид есть не только самозамкнутый микро-космос, но и часть целого, каждая человеческая личность, имея для-себя-бытие, является своим органическим центром; но она же и не имеет самостоятельного бытия. Итак, языковая деятельность проецировалась в релятивный образ, раскрывая его сущность: **двуединство человеческого Я как самозамкнутой системы и как находящей свое существование вне себя, включенной в целое.**

Синергетичность смыслопорождения, основанного на релятивном образе, в том, что проходит оно каждый раз по-разному, в зависимости от ситуации; языковая деятельность «фокусируется» в релятивном образе, а сам образ придает в свою очередь ей динамику развития, в соответствии с чем намечается развертывание смысла. Так, в структурирование смысла включен еще один релятивный образ, который пронизывает всю ткань произведения – **релятивный образ чувственности**. Вслед за Кантом чувственность нами рассматривается как: 1) включение в сознание содержания деятельности Я. Например, центром притяжения к описанному выше месту, по мнению автора, есть 'святыня', 'Спасова икона' и 'богородичный лик'; 'Heiligtum', 'Erlöserbild', 'Antlitz der Gottesgebälerin': «Разве супостат может сюда кого-нибудь прислать, где такая святыня? Разве ты не видишь, что тут и Спасова икона и богородичный лик»; «Soll vielleicht der Widersacher jemand herbringen, wo ein solches Heiligtum ist? Siehst du nicht dort das Erlöserbild und das Antlitz der Gottesgebälerin»; 2) Стремление к чему-то, что является источником эмоциональности, нежности, душевности, мягкости, заботливости, сердечности, интуитивности, любви к кому-то или людям и др., путем чего Я получает знание, видит бытие через призму чувственности. Рассмотрим еще один пример: «Пимен рад сиете, и у него на том берегу в городе завелось самое изобильное знакомство: и торговцы, и господа, до которых ему по артельным делам бывали касательства, все его знали и почитали его за первого у нас человека. Мы этому случаю, разумеется, посмеивались, а он страсть как был охоч с господами чаи пить да велеречить: те его нашим старшиною величают, а он только улыбается да по нутру свою бороду расстилает». «Pimen aber freute sich über diese Eitelkeiten und hatte in der Stadt auf dem anderen Ufer eine sehr ausgebreitete Bekanntschaft. Händler, Herrschaften, mit denen er in unseren Geschäften in Berührung kam, alle kannten ihn und hielten ihn für den Ersten bei uns. Natürlich lachten wir darüber, aber er liebte es sehr, mit den Herrschaften Tee zu trinken und groß daherzureden. Sie nennen ihn unseren Ältesten, und er lächelt nur, und in seinem Innersten schmeichelt es ihm. Mit einem Wort: Hohlheit!». В данном фрагменте эмоции человека проявляются в виде субъективной реакции на различные воз-

действия: удовлетворения, удовольствия и пр. Тщеславный герой воспринимает 'суету', 'величание', 'почести' (в немецком тексте: 'Eitelkeit' = тщеславие, щегольство, кокетство, желание нравиться, ничтожность, лживость и 'Hohlheit' = пустота, голословность) как смысл бытия. (Ср. высказывание из произведения Джерома К. Джерома «О суете и тщеславии» о том, что тщеславие - истинная сила, движущая колесницу человечества). Если посмотреть на это другой стороны, то осознаем: бытие воздействует на чувственность человека, что имеет результатом, по мнению Канта, его особое для каждого человека познание. Так, концепт БЫТИЕ (нем. DASEIN) в результате анализа данного коммуникативного целого с этой точки зрения имеет такие составляющие, как: 'добродетели', 'добролюбие' и 'благочестие', 'спасение посредством веры', 'молитва', 'покаяние', 'смирение'; 'Liebe zum Guten und zur Wohlanständigkeit', 'Glaube als Erhaltungsmittel des Alls' («Glaube hält das All»). Интегрирование смысловых элементов концепта БЫТИЕ (нем. DASEIN) с помощью данного релятивного образа приводит к определенному знанию, он становится универсальной творческой энергией, одухотворяющей собой бытие в целом, в чем проявляется его синергетичность. Ср.: «... *всяк как верит, так и да судит, а для нас все равно, какими путями господь человека взъимет и из какого сосуда напоит, лишь бы зыскал и жажду единомушья его с отечеством утолил*»; « *Jeder beurteilt es so, wie er es glaubt, uns aber ist es gleich, auf welchen Wegen der Herr den Menschen zu finden weiß und aus welchem Gefäß er ihn trinkt, wenn er ihn nur sucht und seinen Durst nach Vereinigung mit dem Vaterlande stillt...*».

Еще один релятивный образ - это образ пространства и времени. Проанализируем примеры. «*Вся господня земля и благословенны вси живущие...!*»; «*Нет, позволь, - говорю, - тебе объявиться, ведь мы по старой вере*»; «*Все, - говорит, - уды единого тела Христова! Он всех соберет!*»; «*Gottes ist die ganze Erde, und gesegnet sind alle Lebenden...*». «*Nein*», *erwidere ich, «erlaube, dass ich dir sage: wir gehören dem alten Glauben an»*; «*Wir sind alle vom Leibe Christi, er umfängt uns alle!*». (2) «*Ангел тих, ангел кроток, во что ему повелит господь, он в то и одевается; что ему укажет, то он сотворит. Вот ангел! Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен...*»; «*Der Engel ist aeduldig, der Enael ist mild; wie es der Herr ihm befiehlt, so kleidet er sich, was er ihm befiehlt, das wirkt er. Also ist der Enael! Er lebt in der Seele des Menschen, die Unwissenheit hat ihn versiegelt...*». Здесь можно выявить следующие концептуальные единицы концепта БЫТИЕ (нем. DASEIN):

1) точка отсчета и направления, которые имеют глубинную концептуальную общность («Локализация в пространстве и времени осуществляется аналогичными способами: относительно точки отсчета с учетом ориентации..., определяемой направлением реального или воображаемого движения» [12, с. 321]: точкой отсчета считают в данном контексте староверы Христа - творца всего сущего: (1) 'вся господня земля', 'все живущие как уды единого тела Христова'; 'die ganze Gottes Erde', 'alle Lebenden vom Leibe Christi'; он же придает направление всем изменениям и деятельности человека: (1) им 'благословенны вси живущие'; 'gesegnet sind alle Lebenden';

2) отношение между конечностью (= конечность любого существования, ей подчинена и человеческая жизнь, включенная во время, которая, подчиняясь ему, стремится к концу): 'он (Бог) всех соберет'; 'er umfängt uns alle') и бесконечностью бытия как всеединства времен и как бесконечного возвращения того же: (2) 'что ему (ангелу) повелит господь, он в то и одевается; что ему укажет, то он сотворит'; 'wie es der Herr ihm befiehlt, so kleidet er sich', а также вечностью (например, относительно души: (2) 'ангел в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен'; 'der Engel lebt in der Seele des Menschen, die Unwissenheit hat ihn versiegelt'. Таким образом, глубинным смыслом данного релятивного образа есть выражение вечности и бесконечности бытия в целом, а также конечности и временности конкретных элементов, включая человека, также являющегося элементом бытия. Каждый из релятивных образов как бы дает исходный импульс сознанию субъекта, приводя в движение бесчисленные ассоциативные, интеллектуальные, эмоциональные рычаги, в чем проявляется их синергетизм. Из этого движения возникает сложное целое, которое субъект ощущает как "смысл". Это как «количество» световой энергии в соответствующем потоке излучения, это та мощность излучения, которая доступна для восприятия простым человеческим глазом. Смысл этот создан субъектом по законам его внутреннего мира, но в основе его порождения находится релятивный образ.

Итак, из частиц языкового материала структурируется единство, которое воспринимается как цельная картина. То есть, благодаря релятивным образам удается выявить глобальный смысл. Так, для глобального смысла дискурса рассматриваемого произведения - структурированной целостности сложной единицы коммуникации (термин ван Дейка) - характерным является то, что в нем раскрывается особое **постижение сущности бытия**, которое состоит

в единении Я с Богом. **Познание истины** возможно не через внешние атрибуты веры, не благодаря действиям, имеющим церемониальный характер, а благодаря **постижению тайны**: «... *ангельский путь не всякому зрим*», «... *der Engelsweg nicht für jeden sichtbar sei...*», той тайны, которую вот как трактует религиозно-философский словарь: «В христианстве источником и средоточием всякой тайны является Бог, явивший себя во Христе, благодаря чему приоткрывается таинственная внутренняя глубина в самом человеке».

Таким образом, рассматривая фреймы как когнитивные структуры, дающие ключ к раскрытию механизмов концептуализации вербализованных знаний, а концепты, с одной стороны, как смысловые кванты человеческого бытия, а с другой, как сложные единицы, которые «характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры» [2, с. 24], подведем некоторые итоги.

1. Факторами, которые представляют собой определяющие механизмы когерентности, инструментами, являющимися основополагающими в структурировании речемыслительных вариантов, а также информацией ментального характера о том, какие связи обеспечивают единство концептосферы, выступают релятивные образы. Следует подчеркнуть, что предмет наших размышлений служит не мир восприятий человека вообще, но лишь тот его специфический аспект, который можно считать образами, которые представляют собой перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на то, что объединяет между собой их языковое воплощение и результатом имеет смысловую группировку речевого материала. Основными релятивными образами являются: образ двуединства человеческого Я как самозамкнутой системы и как находящей свой центр вне себя, в целом - образ чувственности - образ пространства и времени.

2. С помощью этих образов возможно построение ментальной модели как динамичной репрезентации объектов, отношений, множеств, имеющих имплицитное или эксплицитное языковое выражение в дискурсе. Релятивный образ – это не субстанция системы, он значим исключительно с точки зрения его внешних свойств, которые проявляются в структурировании связей элементов. Это своего рода «резонансное» воздействие. Данную функцию можно сравнить с «принципом оптимального вхождения», характерным для функционирования сердечных систем, которые представляют собой стабильные самоорганизующиеся системы, а такой принцип является условием образования стабильной системы.

3. Изучение функций релятивных образов в сложном коммуникативном целом позволяет сделать вывод, что они являются базисом структурирования содержания акта сознания и воплощения в содержательной форме образа познаваемого предмета, то есть образования когнитивных структур, без которых немыслимо единства сознания; на этом единстве основывается сама возможность мыслительной способности, позволяющей логически осмыслить действительность.

4. Синергия релятивных образов в том, что их обобщающая сила настолько велика, что они превращаются в своеобразные знаки, сигнализирующие о накоплении определенного смысла, это своего рода система, рассмотрение которой в разносистемных языках указывает на ее открытость, так как с точки зрения разных этнокультур моделируется реальность различной степени сложности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта. Наука, 2009. – 342 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта. Наука, 2010. – 285 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – <http://www.vehi.net/bulgakov/svet/003.html>
5. Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. Истина и жизнь. М., 1996. – <http://www.bibleist.ru/biblio.php?q=002&f=006.html>
6. Дейк Т.А. ван, Кинч В. 1988 – Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. – М., 1988. – С.153-211.
7. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М: Русская книга: 2002. – 143 с.
8. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. – Т. 3. – М., 1964.
9. Киссель В. Л. Наукоучение. Общие принципы логики и методологии научного познания. Семиотика науки // Философские исследования. – М., 2002. – № 2. – С. 114 – 127.
10. Кьеркегор С. А. Болезнь к смерти // Этическая мысль 1990. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – С. 360 – 470.

11. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.10. – М., 1981. – С. 350 – 369.
12. Маляр Т. Н. Пространство-время: метафорический перенос или единая концептуальная система? // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М.: 2007. – С. 315 – 322.
13. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Воронеж, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 44 – 51.
14. Флоренский П. А. Обратная перспектива. Соч. в 4-х тт. – Т. 3 (1). – М.: Мысль, 1999. – С. 46 – 98.
15. Франк С. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – <http://www.magister.msk.ru/library/philos/frank/frank006.htm>.
16. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – 1890-1907. – <http://www.dic.academic.ru>.
17. Rickheit G., Weiss S., Eikmeyer H.-J. Kognitive Linguistik. Theorien, Modelle, Methoden. – A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2010. – 347 S.
18. Schweizer H.R. Ästhetik als Philosophie der sinnlichen Erkenntnis. – Basel, 1973. – 186 S.

RELATION IMAGES AND THE CONCEPT SPHERE OF THE LANGUAGE

T. N. Skokova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Skokova@bsu.edu.ru*

The present article is devoted to the investigation of the relation images as the factors which present the defining mechanisms of the coherence, the basic tools in the structuring of the speech and image variants and the mental information about the ties which provide the unity of the sphere of concepts.

Keywords: relation images, communicative unity, synergy of relation images, process of sense production.